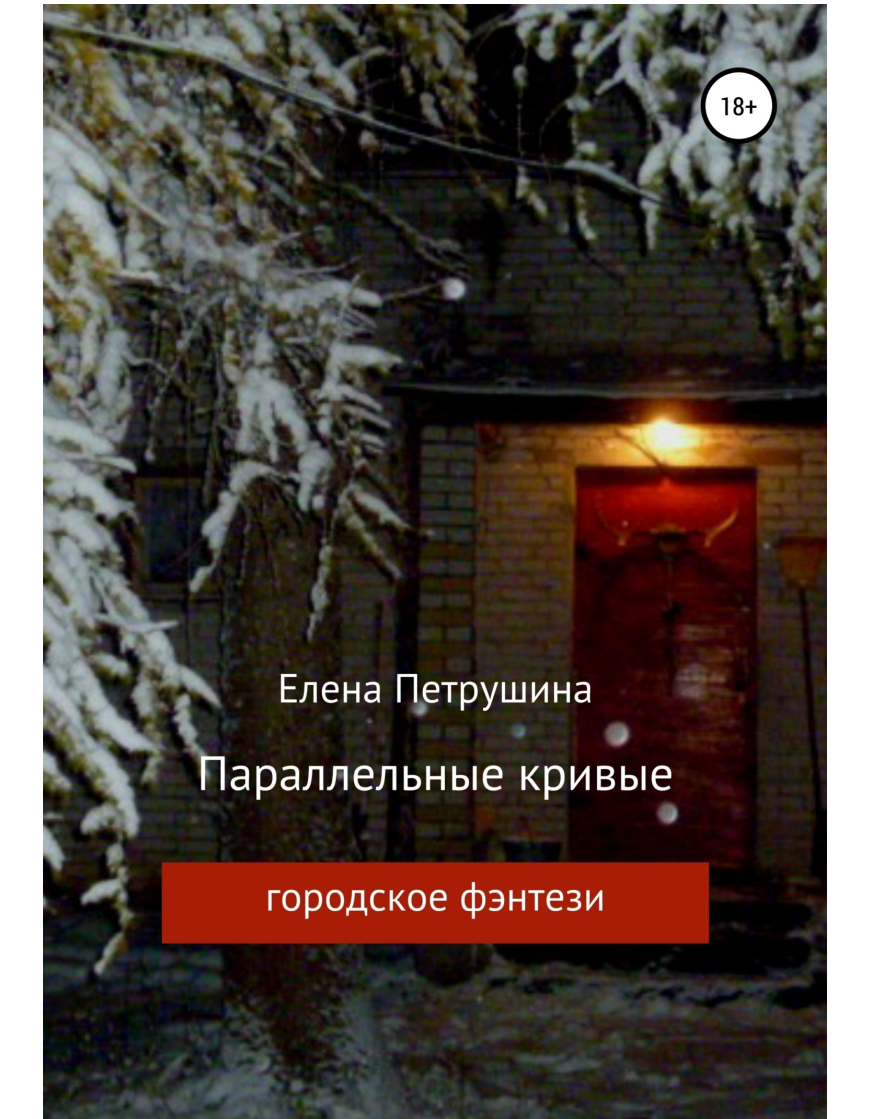

The background of the book cover is a photograph of a snowy night scene. In the foreground, there are snow-laden branches of a tree or shrub. In the background, a brick building is visible, with a warm light emanating from a doorway or window. A small, glowing red object, possibly a lantern or a decoration, is hanging in the doorway.

18+

Елена Петрушина
Параллельные кривые

городское фэнтези

Елена Петрушина
Параллельные кривые
Серия «Литературная премия
«Электронная буква – 2020»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51700494

SelfPub; 2023

Аннотация

Две параллельные кривые – астрологический символ знака Водолей. Начинаясь эпоха Водолея поднимает вопросы свободы, и каждый из героев книги: врач-иммунолог, психолог, сценарист, историк и другие решают его по-своему. В маленьком городке, где они встречаются, происходят загадочные смерти, которые помогают расследовать Алла Перец и Арам Григорян. Персонажи действуют в реальном мире, раскрывая свои магические способности в борьбе со злом. В книге содержатся описания эзотерических и психологических практик в усечённом виде. Практиковать самостоятельно не рекомендуется. В оформлении обложки использована авторская фотография.

Елена Петрушина

Параллельные кривые

Глава 1. Загад не бывает богат

Ночь бела, словно кости предков. Если бы сценарист Арсений Загадов описывал свою бессонницу подобными словами, куда бы его это завело? Он был против поэтической вычурности. Рождественское полнолуние тревожило его иначе. Лунного света хватало, чтобы, не включая лампу и не открывая штор, пройти на кухню и сварить кофе. Полчетвёртого. В голове ни шороха. Самое время писать «потокос сознания», без удушающей самокритики. Сеня глотнул кофейку и заклацал старой клавиатурой:

«Сцена 1. Собака размышляет

Погожий летний день. Ухоженный белый кирпичный домик. Вокруг лес, других домов поблизости нет. Аккуратно пострижены лужайка, сад и дорожки к пруду и колодцу. Огромный огород зарос высокой травой, посредине – небольшой обработанный участок с грядками морковки и пр. Поодаль старая баня с отвалившейся дверью, на которую упало сухое дерево. Сарай не в лучшем виде – дверь на одной петле, худая крыша из щепы, оборванный рубероид; возле стен сарая – старые покрывки, канистры из-под машин-

ного масла, заржавевший садовый инструмент. На крыльце в тенёчке лежит некрупная рыжая собака. Перед собакой – толстый дохлый крот, тряпка, еловая шишка, сухие листья, пёрышко. Она созерцает всё это. Собачья физиономия отражает процесс решения непростой задачи. Поднимается, смотрит на всё с разных позиций, берёт пёрышко, перемещает. Двигает другие предметы. Дохлого крота отодвигает от пёрышка. Ложится, кладёт лапы на пёрышко, вздыхает.

Сцена 2. Собака вспоминает

Пёрышко превращается в женщину лет сорока, легко идущую по одноэтажной улице маленького городка. Она изящна, движения очень тонкие, плавные, мягкие. Волосы лёгкие, с проседью. Маленькие руки. Узкие красные джинсы, заправленные в грубые армейские ботинки на толстой подошве, синяя майка, рюкзак за спиной. Под мышкой – большой прямоугольник упакованной картины. Она – летящее по ветру невесомое перо. Ей приходится «утяжеляться», чтобы не унесло.

Навстречу женщине движутся мальчик с собакой. Мальчик вялый, усталый, как маленький старичок. Собака любопытна, всё обнюхивает.

Мальчик (ноет, обращаясь к собаке): Несчастье ты моё, пойдём!

Женщина: почему несчастье? Что она такого сделала?

Мальчик: таскается со мной повсюду...подарили на день

рождения...не знаю, что с ней делать...

Женищина: да ты что? Неужели всюду с тобой? Вот это да, какая у тебя правильная собака, настоящий компаньон!

Собака слушает женищину очень внимательно и с явным удовольствием. Женищина идёт дальше. Собака замирает на месте, смотрит поочерёдно на удаляющиеся спины мальчика и женищины. Бежит за женищиной

Женищина – собаке (мягко, тепло): вон твой хозяин, беги, догоняй!

Улыбается, оглядывается с надеждой, мельком, идёт дальше.

Щенок убегает, но через некоторое время догоняет женищину, тычется носом в ногу, смотрит вопросительно

Женищина: ну, дорогая...я иду далеко...

Женищина шагает, щенок не отстаёт. Солнце палит, бьёт в лицо. Картина на голове вместо навеса от солнца. Собака прячется в тень женищины. Женищина опускает картину, чтобы создать большие тени для собаки. Останавливается у ручья, где собака пьёт и недолго лежит. Они проходят по обочине идущей через лес дороги 10-12 км до деревни, ни одна машина не останавливается, чтобы их подвезти. Но женищина и не «голосует». Из проезжающих машин смотрят с улыбкой. В деревне им попадаетея старик на велосипеде.

Женищина здороваеяся, старик смотрит на собаку.

Женищина: вот, увязалась за мной, идёт от самого горо-

да...

Старик: ну так радоваться надо! Собака, она хозяйку чувствует!

В деревне они сворачивают на грунтовую дорогу и идут через лес, мимо озера. Наконец взгляду собаки открывается дом посреди леса. Она пулей мчится вперёд. Хозяйка открывает дверь, а собака тем временем в восторге носится по лужайке, по саду, вокруг пруда.

Скрип открывающейся двери возвращает собаку в настоящий момент.

Хозяйка выходит на крыльцо с едой для собаки. Берёт метлу, совок, убирает крота. Остальные собачьи игрушки отодвигает с дороги в сторонку, ближе к собачьей подстилке на крыльце. Собака благодарно смотрит, принимает действие хозяйки, уписывает еду.

Хозяйка говорит по телефону.

– Не сможешь?.. А когда?.. Да, я поняла.

Отключает трубку:

– Тряпка.

Собака разглядывает лежащие перед ней предметы, рычит, берёт тряпку, рвёт её и выбрасывает с крыльца.

Хозяйка плачет и смеётся, гладит собаку».

Сценарист Загадов мечтательно покрутил ус и потянулся скрюченным интеллектуальной жизнью телом. Он походил сейчас на старого, не особо закормленного кота, перед голодным взором которого замаячила кринка сметаны. Сеня ду-

мал, как пристроить начатый сценарий. Думалось ему плохо, как это всегда бывало, когда мыслительный процесс совершал вынужденную посадку на земную твердь с меркантильной целью.

– Ладно, загад не бывает богат, – вслух резюмировал гений пера. И, почесав лысеющий лоб, добавил:

– А кто бывает? Вот ведь...загад... Загадов... может, псевдоним взять? Думай-ибн-Богатей, например.

Вместо этого Сеня взял бумажник и пересчитал рубли. В кармашке для мелочи тоже. Капустина говорит, мужик с таким кошельком – позорище. Мелочный. Загадов действительно был экономен до крайности. Зато никогда не брал в долг – ему нравилось ощущение свободы, которое парадоксально образовывалось из жесточайшего самоограничения. «Вот и без этого вполне можно обойтись», – с удовольствием думал Сеня, урезая очередную статью обмена с миром. К сорока годам в разряд необязательного баловства прибавились и женщины, которых он умело удерживал в своей копилке эстетических феноменов, допуская только на страницы рукописей, но никогда – в интимную зону. Амуры занимали его не больше, чем любимого Шерлока Холмса, но в популярности он сильно отставал от гения сыска.

К великому сожалению, сценарист не мог обходиться совсем без еды, а потому помыслил завтрак. Помыслив, отредактировал картину, заменив желаемое на одобряемое и отправился в магазин. Было закрыто. Сеня глянул на коман-

дирские часы, подаренные Олегом Воеводой перед последней командировкой. Семь восемнадцать. Откроют в девять. Ругнувшись, он вернулся домой и проспал до обеда, когда два деспота, мочевого пузыря и желудок, разбудили его и погнали совершать примитивные действия, направленные на сохранение жизнеспособности.

Тем временем женщина в красных джинсах и армейских ботинках растерянно топтала рыхлый снег возле витрины магазина сантехники, и в ней зрело намерение купить не подходящий для лесного дома унитаз. Она не знала, что её двойник уже существует в альтернативной реальности, состряпанной голодным Сеней Загадовым, где ей полагался благоустроенный дом с солнечными батареями, артезианской скважиной и сауной в подвале, а пешком она ходила исключительно ради удовольствия. Как под гипнозом, она выбрала бирюзовый унитаз с бачком, хотя бдительность стонала во сне и жалобно вскрикивала. Дома она внимательно осмотрела туалет с проржавевшим дачным унитазом и чуть не заплакала. То, что она приобрела, категорически сюда не годилось. А, главное, она не могла понять, почему на неё накатило такое помрачение рассудка, что она позарилась на ненужное. Три тысячи восемьсот рублей...на эти деньги в деревне можно прожить три месяца. От досады она села прямо на бирюзовый фаянс, выгодно подчеркнувший искупительный красный цвет штанов.

Было ли что искупать гражданке Алле Дмитриевне Перец

1971 года рождения, постоянно проживающей по адресу деревня Мятная, дом 22? Ведь очевидная нелепость происхождения отсылала сознание прямоиком к Божьей каре. С точки зрения увлекательности Сениного сценария, было. Сеня фантазировал отвязно, и уже наделил свой персонаж, далёким прототипом которого невольно стала Алла, изломанной судьбой.

Тяжёлые ботинки и красные джинсы на лёгкой барышне купили его с первого взгляда, и маховик воображения уже молотил вовсю. Она выделялась из общей массы наивной независимостью подростка. Такой человек или никогда не был взрослым или уже нажил преимущество игнорировать некоторые негласные правила. Загадова несло по ухабам дедуктивного метода, пока он шёл в районную библиотеку на творческий вечер писателя Карпенко.

Местные так не одеваются. Даже молодёжь. Солдатские ботинки – муж погиб в Чечне, например, она тоскует...это как память о нём. Красные штаны – уже пора найти любовника, только вот берцы мешают, как тень отца Гамлета. Кто у нас любовник? Возможно, эта женщина – жертва по жизни, Красная шапочка – находит роковых соблазнителей, которым не нужна? Или молодых раздолбаев? Загадов остановился было на лётчике, но выбрал рафинированного депутата с маникюром. Такой на стадии ухаживания за Честным Подростком будет показывать гражданское рвение, как «за державу обидно». Потом ему становится за карьеру страш-

но. Потому что он сам от себя скрывал, зачем идёт в депутаты, и такой уровень честности, который она предложит, он не вынесет. Понятно, он на ней не женится...

– Доброго здоровья, Арсений Егорович! – его рассуждения прервало зычное приветствие дородной библиотечарши. – Проходите в актовый зал.

По периметру зала за школьными столами уже чинно восседали постоянные посетители творческих вечеров – в основном продвинутые пенсионеры. Писатель Карпенко, целомудренно сложив руки в позе первоклассника, сидел в окружении букетов за отдельным столом и умильно озирал присутствующих. Его румяные щёчки покоились на белом мягком воротничке густо-зелёной трикотажной кофты. Сеню передёрнуло. Его эстетическое чувство терпело неудобства. Он был приверженец классики в одежде и хорошего вкуса в целом, а Карпенко искренне не любил. Он даже фамилию его путал, произнося «Карпук», поскольку этот вариант более точно выражал состояние неловкости, которое Загадов испытывал, читая стихи и прозу Карпенко. Пропустить же мероприятие не считал возможным из политических и стратегических соображений: в маленьком городке легко можно прослыть заносчивым и высокомерным невежей, если игнорировать презентации местных знаменитостей. Мало ли, может, самому придётся сидеть на месте Карпука... тьфу... Карпенко. Он поздоровался и сел ближе к выходу. Высидев одобряемое этикетом время, когда оратор завершил очеред-

ной глубокомысленный пассаж, повторяемый без изменений каждую встречу с публикой, Арсений извинился и вышел.

И столкнулся с Аллой. Точнее, толкнул её дверью. Загадов поспешно извинился и не смог противиться желанию последовать за героиней своего сценария.

– Раз уж я Вас ушиб, давайте знакомиться, – протянул руку, – Арсений Загадов, сценарист.

Алла окинула его рассеянным взглядом.

– Кроме нас с Вами об этом кто-то знает?

Организм Арсения выдал бурную вегетативную реакцию. Нервно гоготнув, он спросил:

– Можно, я использую вашу реплику в сценарии?

– Дарю.

– А Вы не хотите узнать, о чём этот сценарий? – Загадов на самом деле хотел впечатлений о ней. Его героиня вырисовывалась плоско, нужны были детали и подробности, выдумывать которые было глупо, когда можно подслушать, подглядеть и спросить. И он уже опутывал Аллу клеммами своего любопытства, но задал вопрос, загубивший диалог на корню – не хотите ли...

– Боюсь, что нет. Извините.

– Это Вы меня извините за назойливость. Я видел вас на дороге с картиной и собачонкой. Но без корзины и картонки. Вы не местная, так ведь?

– Простите, я не расположена к интервью. Всего доброго. Из актового зала выглянула рассерженная библиотекарьша

и, беззвучно шевеля губами, изобразила изгоняющий жест.

Алла поспешила в компьютерный зал. Загадов немного помялся и вошёл следом.

Он позволил Алле сесть первой, и занял свободное место, с которого было удобно за ней наблюдать. Она просматривала электронную почту, а он пытался угадать, от кого. Вот она досадливо поджимает губы. «Похоже, уведомление из налоговой», – думает Сеня. Вот гордо вскидывает брови. Смеётся. «Приглашение на свидание. Не пойдёт».

Алле было не до свиданий. Она снова не получила ответ от потенциального работодателя, а смеялась над письмом двоюродной сестры. Таня сообщала: «Сегодня я два раза чуть пожар не устроила. Сначала нечаянно повернула настольную лампу, и расплавилась какая-то приبلуда к компу, воняло пластиком. А теперь вот турку с водой поставила на огонь... турка с конфорки навернулась, и ручка почти сгорела. А пахнет ужасно. Сразу вспомнился тот случай, когда дядя Юра пришёл подшофе и повесил шляпу на лампочку в коридоре. Шляпа тлела, а мы понять не могли, откуда запах». Алла любила эти письма и все ответы начинала неизменным «Это хорошо!», потому что Таня была склонна к панике. Ещё Таня была склонна к воспоминаниям, в которых всегда имелся намёк на неблагородное происхождение. Но Алла эти намёки делила на восемнадцать и давала ответ философического свойства. Сейчас она писала: «Это хорошо, что ты у нас бдительная и вовремя заметила неладное, –

писала она сестре. Моя бдительность, похоже, подустала. Я хожу по Зашорам в красных штанах, привлекая щенков и любителей необременительного секса. В непосредственной близости от монастыря. Тьфу. Такое чувство, что все возможные работодатели в этом городе знают про мои революционно-провокационные штаны, хотя никогда меня не видели. На резюме один ответ: вакансий уже нет. Подозрительно им, что человек бросает жизнь в большом городе и едет в деревню. Это характеризует профессионала не с лучшей стороны. Нет, они так не пишут, конечно. Подразумевают. Откуда я это знаю? Из общения с некоторыми вживую. Я умею слушать интонации. С другой стороны, сестричка, ещё неизвестно, в чём состоит Божий промысел относительно моего трудоустройства. Может быть, следует повернуться лицом к тому, что есть и не искать работы в казённых учреждениях, устроенных по тоталитарному принципу. А есть у меня земля, с которой я пока не умею грамотно управляться. Но неизбежно научусь. На то и кризис середины жизни. Хорошего тебе дня, дорогая. Обнимаю».

Покончив с почтой, Алла заплатила за пользование интернетом и вышла. Арсений метнулся за ней. Мягко прошлепав тяжёлыми ботинками один лестничный пролёт, она обернулась, и Арсений на секунду завис. Он как раз думал, как ей удаётся бесшумно ходить в такой обуви.

– Ладно, идёте пить кофе. Вы вроде не похожи на искателя приключений. Заплатите за чашку горечи, – спокойно

и чуть снисходительно произнесла Алла.

– Интересная у Вас речь. Хорошо, заплачу, – Сенина скудость уступила дорогу интересу. Он знал, что хорошая история – как хорошая обувь, свою цену всегда оправдывает. – Но вы ошиблись, я тот ещё поисковик. Приключения – моя страсть...

– Правда? Мне показалось, страсть – это не про Вас, – перебила она.

– Говорю же, Вы ошибаетесь. Сценарист всегда ищет приключение. Он должен смотреть на человека и понимать, какое у того главное событие жизни – тихо помереть на своём диване во сне или убить дракона. Это действительно меня увлекает – собирать истории...

Алла тихо рассмеялась:

– Чужие жизни увлекают Ваш интеллект и будят фантазию. Вы смотрите на море, но не купаетесь.

– Что Вы имеете в виду?

– Вы жмот и не тратите душевных сил, страстно вовлекаюсь в события. Складываете в голове сюжеты, двигаете фигурки в песочнице, облизывая своего петушка на палочке. Но никого не греете и лакомством не делитесь. Вы эгоцентричное дитя, и от меня тоже ждёте безвозмездный леденец. Но не получите. Они вошли в сумрачное кафе.

– Вон там свободно. Возьмите «Американо» без сахара и сухое печенье, я присяду.

Арсений безропотно отправился к барной стойке. Алла

смутила его. Просто клюнула в темечко. В точку. Зачем так? Зачем она ведёт себя так, будто живёт последние два часа в этом мире? Ему стало страшно, и он даже не вспомнил, как с удовольствием приписал ей невыносимый уровень честности, ещё не будучи знакомым – по первому впечатлению.

Алла тем временем наблюдала, как незрелый мужчина лет сорока выбирает самый дешёвый десерт, и кофейная горечь зашевелилась в её душе. Он вернулся, она взяла инициативу в свои руки и узнала много интересных подробностей о городе, монастыре, некоторых знакомых и о бывших владельцах её дома. А он так и забыл спросить, как её зовут.

Сеня спал тревожно. Ему снилась Алла, гадающая на кофейной гуще, сидя напротив него за столом. Она задумчиво крутила чашку и улыбалась, что-то понимая про него. Он спрашивал, что она видит, но Алла только кривила рот в ухмылке. Арсений посмотрел на свои руки – они были крохотными, детскими. Сжимая обеими ручками петушка на палочке, он закричал: «Не смотри на меня так! Не смотри на меня снисходительно!». Он проснулся с противным чувством утраты и стал собираться на прогулку – куда глаза глядят.

Алла же не ложилась вовсе. К ночи поднялась метель, и кровля содрогалась от порывов ветра. Она любила стихию, но боялась разрушений – чинить крышу не входило в её планы, это лишние эмоциональные и финансовые траты. И вдруг Алла поняла, почему привлекает скупердяев: она жа-

леет ресурсов сама для себя. То есть, в глубине души считает, что щедрости не заслуживает. Так просто, так очевидно... С другой стороны, пока нет стабильного дохода, быть экономной – совершенно адекватное поведение.

В печной трубе скулили голоса, а деревянный потолок скрипел так, будто все бывшие жильцы ходили под крышей. Она не стала бороться с бессонницей, которой, видимо, было что сказать. Алла помолилась, взяла бумагу, карандаш и начала рисовать. Тревогу, которая лишала сна, она всегда могла превратить в конкретные образы, а их уже можно было взять под контроль, изменив по своему усмотрению.

Работа эта принесла свои плоды, и часов в пять Алла всё же уснула. Разбудил её возмущённый крик вороны. Алла посмотрела на часы – без двадцати одиннадцать.

– Кааак, кааак? – ворчливо передразнила она ворону, – а вот так. Сперва дурую маемся всю ночь, потом спим до обеда.

Она спустила ноги с кровати, натянула лежащие рядом толстые шерстяные носки, потом сунула ноги в плоские дерматиновые тапки и, запахнувшись в тёплую кофту, спустилась из спальни по крутой лестнице в кухню. Халатов она не признавала (было в них что-то расхлябанное), а она знала, что с её характером и наследственностью нужно сознательно противостоять хаосу. С этой целью она установила ежедневный распорядок. Зимой поддерживать Утренний ритуал было легче, потому что следовало топить печи. Хочешь –

не хочешь, а от холода проснёшься и побежишь вприпрыжку делать всё, что нужно. Алла умылась холодной кипячённой водой, наложила крем вокруг глаз, причесалась, включила электрочайник и взяла старый нож, стёршийся до половины и больше похожий на серп. Этим инструментом она щипала лучину от высушенного полена. Получалась тоненькая соломка, которая моментально вспыхивала, и дрова в печи занимались от одной спички. Затопив две печи и заварив кофе в чашке, Алла прочла «Отче наш», молитву Богородице, обратилась к Архангелам и Святой Троице. Потом попросила Сергия Радонежского укрепить её дух и научить тому, что нужно. Она знала только две молитвы, в остальном же следовала спонтанному побуждению и обращалась с наивной искренней речью к плохо понятым символам. Она обещала себе, что как-нибудь обязательно до конца разберётся, кто есть кто, а пока ей просто отчаянно нужна вера, что все они рядом и на них можно опереться. Позавтракав, она перевернула чашку с кофейной гущей на блюдце и стала записывать сны в большую фиолетовую тетрадь с морской звездой на обложке. Закончив записи и поразмыслив над ними, стала рассматривать узор, образованный кофейными потёками на ленинградском фарфоре. Лес, дорога, мужчина в ушанке. «Незванные гости», – подумала Алла и быстро сменяла пижаму на джинсы и свитер. Подмела пол от деревянного мусора, прибрала со стола, помыла посуду, залила в мультиварку тесто с яблоками. И раздался стук в дверь.

– Еле до Вас добрался, тропинку почти замело. А если вдруг что случится, как скорая проедет или полиция? – Сеня почти вопил с воспитательскими интонациями, выпучив глаза.

– Не орите на меня, здесь вам не тут. Разувайтесь, ставьте обувь вон туда, к печи. Куртку на крючок там же, всё тёплое будет. Ничего со мной не случится. Я уверена, всё будет хорошо. Здесь ходят только лисы, кабаны и косули. Если с крыши упаду – съедят, никому никаких хлопот. Сеня возмущённо хмыкнул. Потом извиняющимся тоном попытался объяснить причину визита:

– Я забыл спросить, как Вас зовут. Кстати, а собака-то Ваша где? Будка пуста.

– Алла. Ушла собака. Как пришла, так и ушла.

– А как пришла?

– Я направлялась домой как-то в мае, ещё школьники учились. И вот один такой...

– ...шёл с собакой навстречу и был очень ею недоволен?

– Откуда Вы знаете?

– Я увидел вас тогда с собакой и придумал историю. Вот послушайте...

Алла ошеломлённо выслушала Арсения, который точь-в-точь описал первый день их отношений с Пулей.

– Вы не выдумали историю, вы её ясно увидели. А вот с придумыванием Вам надо быть аккуратнее, Вы можете изменить человеческую жизнь в неизвестном направлении. Вы

– маг.

– С чего Вы взяли?

– Не знаю. Хотите чаю, кофе? У меня шарлотка с яблоками готова.

– Хочу. А Вы в печи готовите?

– Нет, хотя теоретически, наверное, испечь что-то в ней можно. Я как-то запекала рыбу и куриные ножки. Получилось изумительно. А вот с тестом не рискую. Это эстонская печь, у моих предков были другие.

Они прошли из кухни в столовую, придвинули стол к печной лежанке и удобно сели на прогретую керамику. Сеня потянулся за кофейником.

– О, какие интересные у Вас часы, – заметила Алла.

– Командирские. Друг подарил на память. Пропал в командировке. Может быть жив, в плену...

– Вряд ли. Есть фото?

– Да, – Арсений нашёл файл в телефоне. – Вот, как раз в день отъезда снял.

Алла внимательно смотрела на фотографию в течение нескольких минут.

– Нет его в живых. К сожалению, нет, – и, упредив вопрос, продолжила:

– Это довольно легко понять по фото, жив человек или нет. Живой откликается пульсом во лбу, а мёртвый как облако, твоё внимание куда-то проваливается, в какую-то чёрную яму и тело не реагирует... Вот, сами можете сравнить,

возьмите это фото. Этот человек жив.

Арсений стал разглядывать попеременно фото на экране и то, что дала Алла. Через некоторое время озадаченно произнёс:

– Не вижу разницы. Правда. Тишина. Наверное, я бездарь. Ничего не чувствую.

– Ну-ка дайте, – Алла взяла фотографию мужчины, приоткрыла и горестно вскрикнула. Схватила телефон и стала набирать номер.

– Алло, алло...девушка, почему у Вас этот телефон? Где Стрела? Когда? Два часа назад?!!

Загадов не вмешивался, когда она уронила потускневшее и разом обвисшее лицо в ладони и беззвучно затряслась. Он встал и зачем-то начал убирать посуду. Вдруг вспомнил слова Олега, что нельзя оставлять человека один на один с бедой. Только что каждый из них потерял друга. Надо объединиться и что-то делать.

– Я побуду с Вами, – неожиданно для себя самого сказал Загадов.

Она помотала головой:

– Уходите. Мне надо побыть одной. Голос её имел над ним какую-то удивительную власть. Он послушно оделся и вышел на улицу. Осмотрел двор, так детально соответствующий его фантазии. Ему стало не по себе, и он вернулся. Взял с вешалки у печки её пуховик и подал:

– У Вас вон и дров в доме нет. Пойдёмте за дровами.

– Я в другой одежде хожу за дровами.

– Ну и где она?

Алла встала, машинально надела куртку, и они вышли на улицу. Молча грузили дрова на санки, молча катили до сени, молча выкладывали в оцинкованный угол.

– А-а-а, – вдруг завывала Алла, уронив поленья, – в цинковом гробу, в цинковом... Куда я смотрела, я же всегда чувствовала его пульс, я же дыхание его рядом чувствовала!!! Как япустила???

– Ты не Бог. Что бы ты сделала? Часть своей жизни отдала? – Арсений вдруг перешёл на «ты», присев рядом с ней.

– Отдала бы, отдала!!! – Она бессильно села на пол и рыдала громко, отчаянно, как ребёнок, который понял, что не всесилен. Арсений обнял её и подождал, пока пройдёт приступ плача.

– Пойдём, отдадим им... отдадим молитву, – впервые Загадов не думал о том, как эта сцена может красиво смотреться на экране.

Он проснулся от тишины. Не было слышно ветра, молчал холодильник. Лежанка под ним ещё была тёплой. Он выходил из сна неспешно, повернувшись на бок и уставившись в окно, за которым в утренних сумерках неслышно валились крупные хлопья снега. Как уютно в этом доме! Так бы и остался тут, и не искал никаких приключений...

Арсений поднялся и, стараясь не греметь, принёс из сеней поленьев. Затопил в кухне печь и поставил на огонь чайник.

Почему-то не хотелось включать электрический, когда так мирно гудит печка. Вскоре с верхнего этажа бесшумно спустилась хозяйка дома. Горе не изменило её походки. Часто люди после трагических событий начинают шаркать ногами, как старики. Она была мобилизована, только лицо окаменело.

– Арсений, я должна полететь на похороны. Поживите у меня, пожалуйста, дня три. Вы вроде не курите, печь топить умеете. Да и соседей не хочу вовлекать, если честно. Вода в колодце, картошка в подвале. Ключ у меня один, не потеряйте. Здесь Вам никто не мешает писать. Если вернётся Пуля, разогрейте ей кашу, найдёте в холодильнике.

– Хорошо, – почти не раздумывая, ответил он, – я только провожу Вас до автовокзала. Да и кое-какие вещи нужно взять.

– Автобусы не будут ходить все каникулы, я закажу такси от перекрёстка.

Она прочла молитву так, будто его здесь не было, после чего они позавтракали, она оделась теплее обычного, проверила ещё раз, что положила паспорт, банковскую карту и билеты на самолёт, купленные через интернет. Кинула рюкзак на плечо. Он отнял её ношу, закрыл дверь, сунул ключ в карман рюкзака, и они пошагали через лес на главную дорогу. Через пять минут запиликал телефон.

– Наверное, такси, – Алла взяла рюкзак, расстегнула карман, сунула руку, и вместе с телефоном вытащила ключ.

Укоризненно глядя на Арсения, протянула ему артефакт на верёвочке.

– Упс, – виновато произнёс Загадов и положил ключ в карман.

Посадив Аллу в микроавтобус до Санкт-Петербурга, он отправился домой, кинул в сумку командировочный набор, кое-какие продукты, ноутбук. Потом подумал, что Алле не очень-то удобно будет стирать постельное бельё, таская воду из колодца. Добавил к багажу пару простыней, наволочку и пошёл обратно на автовокзал. У пирожковой на площади к нему пристал местный дурачок. Улыбаясь во всю ширину беззубого рта, он протяжно приветствовал Арсения:

– Доообвый дееень. Я – Пееетя.

Сеня ответил приветствием и сделал то, чего обычно себе не позволял – достал из кармана кошелёк, расстегнул кармашек для мелочи и отдал Пете часть заработанного. Вместе с кошельком он извлёк из кармана ключ от чужого дома. Прощально сверкнув бочком, ключик плюхнулся в серую снежную кашу на нечищенной мостовой. Загадов не догадался. Даже не вспомнил, что ключ был там, где теперь его нет. Зато догадался Петя. Всё так же широко улыбаясь, он сгрёб плохо гнущейся пятернёй Сенину потерю и поспешил за ним в здание автостанции.

– Мустина, мустина, ты клуть потеял.

Арсений поблагодарил Петю и положил его находку на всякий случай во внутренний нагрудный карман, вместе с

паспортом. И тут только вспомнил, что автобусы в сторону Мятной не будут ходить до 12 января. Почесав свой выдающийся лоб, Сеня посчитал в уме, скольким батонам хлеба равняется одна поездка на такси. И пошёл пешком, но недолго радовался свежему воздуху на Рижской – ноги промокли. Пришлось отчаянно молиться о попутке. Загадову повезло – его бесплатно подбросили до того самого перекрёстка, откуда они с Аллой уезжали утром. В машине его мокрые ноги отогрелись, и в лес он углублялся почти бодро. И так же бодро навстречу ему двигался пограничный наряд.

– Здравствуйте. Лейтенант Муромцев. Предъявите документы, пожалуйста.

Сеня полез за паспортом во внутренний карман. Ключ, весело чиркнув красную корочку, отскочил в снег, чистый, вполне глубокий и неутоптанный.

– Вот же беда, Алла меня приберёт, у неё один-единственный ключ, – чуть не заплакал Сеня. Это было уже не смешно. Три раза ключ пытался ускользнуть. По-че-му? Раскапывая снег, Арсений не на шутку испугался. Что за знак? Что за намёк?

– Стойте, вы так не найдёте. Искать ключи под снегом бесполезно. Если у вас нет металлоискателя, – лейтенант уже набрал номер, – Санёк, хутор Приграничный знаешь? Да, тут Перец теперь живёт. Да баба, фамилия такая. Не, не пи-терская, откуда-то с севера. Бери свою пикалку, дуй сюда. Мы на дороге ближе к озеру. Звук мотора раздался, по Се-

ниным ощущениям, незамедлительно. Санёк на снегоходе с каким-то прицепным корытом появился внезапно, будто ангел из параллельного мира. Пограничники стали утюжить металлоискателем снег в районе падения ключа. Сеня размышлял о знаках судьбы. Вдруг металлоискатель запищал, а потом ещё и ещё, всё настойчивей, и этот звук указывал на что-то более солидное, чем ключ от Аллочкиного дома. Ребята быстро достали ключ, но земля продолжала мучить чуткий прибор.

– Не, не мина, – вслух рассуждал Санёк. Тут лес возили, ходили – давно бы взорвалось. Сейчас и не выкопаешь – земля мёрзлая, техники нужной нет.

– Найдём, – уверенно произнёс лейтенант Муромцев. Сеня подумал, что не зря этот парнишка попал в пограничники – больно любопытный и настойчивый. Загадов пошёл на хутор, разгрузил сумку, но не мог себе позволить оставаться в стороне от интриги и вернулся на раскопки, прихватив лопату и ломик.

– Я подумал, может, помощь нужна?

– Может, – хором ответили мужики, уже гревшие землю костерком.

Вскоре звякнул металл и показался облупившийся бок крашеного голубой краской сейфа. На боку его красовалась надпись «Инв.№ 0000214». «В принципе, я не против клада, – подумал Сеня, – но какой-то он вопиющий». Санёк потянул ручку:

– Закрыто...

– Нее, примёрзло. Лёд сковырать, и откроется...может быть, – предположил лейтенант Муромцев. Так и оказалось. Ещё оказалось, что в сейфе мирно сидит человеческий скелет, положив грудную клетку на колени. Сеня вскрикнул и перекрестился:

– Господи, кого это так? За что? – в голове его пронеслась история пропавшей девушки, которая исчезла в этих местах десять лет назад.

– Да никого, – успокоил его лейтенант, – он пластмассовый. Настоящий бы лежал кучкой, а этот вон, – он приподнял руку экспоната, – целенький, всё на лесочках и шурупчиках. Похоже, школьный экспонат. Только что он тут делает, в сейфе и возле озера? Сеня согласился, что более нелепую находку сложно себе представить.

В глубине души он всё же надеялся на клад. Йорика усадили в прицепные санки, живописно привалив к сейфу, и, предвкушая реакцию сельчан, с хохотом повезли в сторону государственной границы. А Загадов направился на хутор.

Вечерняя сырость поползла в дом, и Арсений затопил печи. Усевшись на тёплой лежанке и вытянув ноги на табурет, он принялся исследовать прошедший день на предмет пищи для сценария. Три раза сегодня он пытался потерять ключ, и это не давало ему покоя. Неужели он сопротивлялся возможности пожить в этом доме несколько дней? Чем же ему это угрожает? Вроде бы, ничем. Три раза ему настойчиво

этот ключ возвращали. М-да... неспроста это. И скелет. Ну, просто идеальный финал дня! Фальшивые кости в железном ящике, который то ли на помойку выкинули, то ли украли, не ведая содержимого сейфа. Вполне могли стащить при ликвидации училища. Под эту лавочку, говорят, много чего спёрли. Прекрасное было учебное заведение с мастерскими, столовой, общежитием. Вся деревня тут работала, обучали нужным профессиям. Оказалось, нерентабельно. Рентабельней разорить. Котельную, которая отапливала не только учебные корпуса, но и все близлежащие дома, закрыли, как только ПТУ было ликвидировано. Людям настоятельно рекомендовали путём сбора добровольных подписей установить в квартирах электрическое отопление. И теперь бывшие сотрудники системообразующего предприятия платят по три тысячи из невеликих пенсий только за электричество и клянут районную власть, которая не чистит даже дороги возле их домов, поскольку они «принадлежат Пскову». Некрасиво. Всё, что некрасиво, Загадова расстраивало.

Он взял со стола лист писчей бумаги, чтобы сделать кое-какие наброски. Под ним оказалось фото – Алла в спешке забыла. Стрела, говоришь? Кто он тебе? Муторное чувство завладело Сеней – он вдруг вспомнил, как фантазировал про личную жизнь Аллы, её ботинки и смерть мужа. Вспомнил и её слова о том, что магам надо быть осторожным с фантазиями. Никаким магом, понятное дело, он себя не чувствовал и никогда не интересовался вызыванием ду-

хов и прочей ерундой. Но подлая мыслишка сверлила мозг: «А вдруг это я своим неумеренным воображением привлёк в её жизнь смерть?». Он с сожалением разглядывал фото. Ничем не примечательный худощавый мужчина среднего роста. Взгляд вот только пронзительный, цепкий. Что же с тобой случилось, Стрела? И вдруг где-то внутри черепной коробки услышал усталый голос:

– Отвяжись, не до тебя сейчас.

Сеня оторопел. Крепко зажмурил глаза, потом открыл, немного посидел в тишине. Потом нашёл фото Олега и пристально, как рассказывала Алла, посмотрел на него. Да, действительно, пространство за фотографией друга будто было пустым, сам образ расплывался, Сеня никак не мог его удержать перед внутренним взором. Глаза Олега всё время закрывались, лицо было неживым. Он перевёл взгляд на фото Стрелы. Хм... в прошлый раз ощущения были одинаковыми, а сейчас лоб Арсения пульсировал, и человек на фото будто откликался, дышал.

– Как так может быть? – в замешательстве Арсений заговорил вслух.

– Потом узнаешь, – прозвучал в голове всё тот же усталый голос.

Сеня перекрестился и начал глубоко дышать, успокаивая учащённое сердцебиение. Ладони вспотели, защемило язык. Но постепенно полный медленный вдох и такой же выдох привели его во вменяемое состояние. Он встал, оделся и вы-

шел во двор. Да, можно скинуть снег с сарая. Там крыша почти плоская, а намело много. Снег сырой, того и гляди, продавит крышу. Было часов шесть, когда он по шаткой деревянной лестнице забрался на скользкий шифер, а спустился вниз уже в полной темноте. Физический труд окончательно вернул его в форму. «Хотел приключений? Изволь. Что будешь с ними делать?». Он устало вошёл в дом, доел остатки манной каши с чаем и начал писать. Что ещё мог сделать с непонятным человеком, считающий себя сценаристом?

Я его не убивал. Ведь если б у меня была такая сила мысли, способная лишать жизни и даровать её, Олежка был бы жив. А почему я поверил ей, почему согласился, что его нет? Хм...потому что так и есть, и я это чувствую. Вот и всё.

Он писал довольно долго всё, что приходило в голову, пока не погасла в голове бегущая строка с разным вздором. Наступила тишина. Он закрыл глаза и будто остался один в тени Сатурна. Так он описал своё состояние, когда открыл глаза в пять утра, бодрый и спокойный, не обременённый ничем.

Глава 2. Жертвенный баран

Алла вернулась через три дня, сама не своя.

– Алла, хотите, я побуду с Вами?

– Нет. Я в порядке. Спасибо вам. Что за домом присмотрели и вообще...

Он стал собирать вещи.

– Алла, тут такое... этот человек, которого Вы ездили хоронить... мне кажется, он снова жив. Только не хочет, чтобы знали не те люди.

– Что Вы несёте?

– Вот, смотрите сами, – он сунул ей фото. И почему-то вспомнил сейф со скелетом. Как-то эти события были связаны, но как, он не мог понять. Он рассказал ей о голосе в голове, Алла выслушала спокойно, будто для неё это не новость:

– Что ж, будем жить исходя из открывшихся обстоятельств. Я чувствую, мне всё же потребуется Ваша помощь, только пока точно не знаю, какая. Постарайтесь в ближайшие несколько дней не говорить ни с кем о том, что произошло, даже со мной. Дневниковых записей тоже не делайте. Соблюдайте внутреннюю тишину, а если мысли будут одолевать – просто беспрерывно читайте любую молитву или идите колоть дрова. Мне надо побыть одной, но выпускать Вас в город сейчас нельзя. Не спрашивайте, почему, так надо. Где Вам понравилось сидеть больше всего?

– На лежанке.

– Кто бы сомневался, – она улыбнулась, – тогда располагайтесь там и не шумите. Ни вслух, ни про себя. Я уединюсь на час.

Арсений уселся на лежанку и стал смотреть в окно. Падал снег, укрывая кружевные кроны плодовых деревьев. На верхушках яблонь кое-где висели красные и бурые плоды. При-

летела какая-то большая рыжеватая птица с синими крыльями и стала долбить мёрзлое яблоко. Крючковатая графика грушевых ветвей заворачивала. К стволу одной из груш была приставлена лестница, и по ней прыгала ворона. Прыг-скок – две перекладины вверх; прыг-скок – две вниз. Вдруг ворона, будто почуяв взгляд наблюдателя, обернулась и уставилась на Арсения:

– Спааать!!! – заорала она, и Сеня даже не успел удивиться, провалившись в глубокий сон без сновидений.

Через час пленник тишины вскочил, словно его подбросило взрывной волной. Посмотрев по сторонам невидящим взглядом, он снова упал головой на подушку. Одновременно с ним в мансарде открыла глаза хозяйка дома. Она взяла с прикроватной тумбочки бумагу, карандаш и быстро зафиксировала результаты «погружения». «Да, братка, попал ты в переплёт. Две силы заинтересованы в том, чтобы ты находился сейчас там. Одна – бездушная, алчная, свирепая. Другая – не менее свирепая, но преследующая противоположные цели, магическая группа. Меня не обнаружили. Я следила твоими глазами. Но повторять фокус «два в одном» рискованно. Итак, что мы имеем? Убивать тебя в этой деревне не собираются. Тебя посвятили в некую традицию, чтобы иметь возможность контролировать и защищать. Пока ты им нужен, по крайней мере. Зачем, я не поняла. Не знаю языка, а намерение читать могу только на уровне «опасно – не опасно». Алла зарисовывала, записывала. «Вторая сила, от кото-

рой исходит угроза, находится в другой стране. Идёт война у них там или народ постигло иное бедствие, я не понимаю. Просто пахнет смертью, много смертей».

Было тихо. Малахольный сценарист послушно не мешал. Она спустилась в кухню, где аккуратно тикали настенные часы и сквозь тюлевую занавеску сочились сумерки. Задёрнув плотные шторы, Алла приоткрыла дверь в столовую. Арсений задрогал ногой во сне, прямо как Пуля. Печная лежанка была ему коротка. Собственно, как и ей. Видимо, дом строили хоббиты. Хотя, зачем малорослика потолки два восемьдесят? На вырост? От шороха гардинных колец Загадов проснулся и стремительно принял вертикальное положение, широко открытыми глазами всё ещё досматривая какой-то сон. Он кивал головой и угукал, будто отвечая согласием на чьи-то слова.

– В сумерки нужно окна зашторивать, нельзя их в дом впускать, – пояснила Алла.

– Кого их?

– Ну... Их...

Слова никак не возвращались к Сене, и он только смущённо кивнул. Наконец пустоту в голове стали заполнять аморфные массы смыслов, постепенно отвердевшие в слова:

– Алла...а как это...это всё можно соединять? Ну...вы вроде православная...и в то же время...вас бы на костре...того...

Алла улыбнулась.

– Не знаю, как соединить и можно ли. Так сложилось. Меня окрестила бабушка в детстве. Окунула в речку, надела крестик. Она была из старообрядцев. Распятие у них с перекадиной и крестятся двумя перстами, а в остальном какая разница, я не поняла. Окрестила и окрестила, я и не вспоминала до поры до времени. Храмов поблизости не было, время было антирелигиозное. И у меня не было привычки к молитве. Родители были далеки от религии, не приучили. А потом приснился мне страшный сон, который и теперь вспоминать не могу без содрогания.

Снится мне, что я сижу на диване в бабушкином доме, напротив дверного проёма в другую комнату. А там дальше окно, я в него смотрю и вдруг вижу, как с той стороны приближается тёмная фигура. Я понимаю, кто это, мне становится страшно. Он просачивается сквозь стекло и двигается на меня. Жёлтые глаза светятся. Я цепенею от ужаса. Силюсь поднять руку для крестного знамения, но не могу. А он смеётся так театрально:

– Ха-ха-ха, ты же не крещёная!

А потом добавляет:

– Но ты не бойся, я тебя не трону.

– Ну да, зачем трогать некрещёного, он и так к Богу никогда не придёт...

– Возможно. Но Иоанн? Что вы скажете о нём? Как он пришёл к Богу, и кто крестил его? Видимо, есть пути. Кроме того, есть и другие религии. Но я не хочу сейчас пускаться

в дискуссии.

Я тогда проснулась в холодном поту и решила, что надо пойти в храм и пройти полный обряд крещения. Бабушка обиделась, что я не в той традиции крестилась. Говорила, что лучше нигде не креститься, чем «у этих». Это сейчас РПЦ со старообрядцами замирилась. А тогда не очень-то друг друга принимали. Но дело не в этом. Я будто обрела защиту, в которой нуждалась. Подозреваю, что так делают все тревожные люди. Ищут защиты от неведомых и невидимых угроз, не слишком вдаваясь в суть и историю религии. Как говорится, где родился, там и крестился. Наверное, родился я в Китае, была бы буддисткой. Просто выбора не было, опоры не было, а страха было много. Ну да ладно. Картошка в печи уже должна быть готова. Будем ужинать.

– Вы не рассказали, как в вашей жизни соединились православие и... другие практики. Как их сейчас называют? Магия, эзотерика?

– Значит, должны были соединиться, раз соединились. Естественным путём. Эклектика – наше всё.

Она засмеялась и сунула ему банку квашеной капусты:

– Накладывайте в салатницу. Давайте ужинать.

– Послушайте, ну нельзя ведь жить с такой кашей в голове! – он попытался продолжить свою линию.

– В моей голове нет никакой каши. Потому что там вообще ничего нет. Пустота, – пресекла она дискуссию. – Ешьте и помалкивайте.

Она не хотела говорить и о брате, изящно и беззлобно уводя разговор на местные реалии. Тем более ей претило делиться, с кем бы то ни было, содержанием своих медитаций.

Ранний вечер уплотнился до вязких сумерек, в которых тонули звуки. Затворники разошлись по своим комнатам, каждый с мыслью «ну, по крайней мере, мы друг другу не мешаем».

Игорь Стрельцов открыл глаза и ничего не увидел. Было тесно и душно, словно его завернули в пыльный ковёр и перетянули для надёжности верёвкой. Вестибулярный аппарат регистрировал качку, и Стрельцов сначала подумал, что ковёр перекинут через спину коня или верблюда, бредущего по пустыне. Потом ему почему-то вспомнилась «Кавказская пленница» с незадачливым Шуриком, висящим в спальнике над пропастью. Но тело лежало на жёсткой ровной поверхности, и не было слышно ни шума волн, ни дыхания животных, ни звука шагов. Он попытался пошевелить руками – они были притянуты к туловищу. «Кому это понадобилось меня пеленать?». Почему именно этот, а не какой-то более полезный вопрос пришёл ему в голову, он не смог бы объяснить. Кто бы это ни был, укутал он Игоря качественно, – воздух с трудом проникал через полотно.

«Я жив. Это уже хорошо. С остальным разберёмся. Главное, спокойствие. Я могу дышать, значит, теоретически, могу чувствовать запахи. Я ощущаю помимо своего дыхания

внешний ритм. Он неправильный и непостоянный. Значит, я болтаюсь в воздухе. От воды была бы сырость. Если воздух проникает через ткань, значит, могут проникать и звуки. А я не слышу. Хм, да я не слышу и своего дыхания, я его только чувствую, как движение грудной клетки. Контузило, что ли? Дальше. Температура. Не околел в январе – значит, не в Сибири. Помню, что январь, это радует. Даже если я был без сознания, полгода тут висеть не мог. Стало быть, где-то в южных широтах. Или в помещении. Как же меня сюда занесло, в эту люльку?».

Очень хотелось в туалет. Но писать под себя в сознательном возрасте было бы крайне неприятно, тем более, когда непонятно, сколько времени придётся лежать мокрым, привлекая всякую заразу, и кто его обнаружит по струйке. Мочиться лёжа, когда делать этого уже по возрастным и медицинским показаниям неприлично, ему однажды довелось. Ему было семь лет, он чувствовал себя совершенно взрослым, потому что уже год как ходил в школу. Родители взяли их с Алкой в деревню к тёте Симе на юбилей. Удобства были на улице, и детям поставили горшок у печки. Взрослые ходили туда-сюда, спрятаться было негде, он мучительно стеснялся и не смог оголиться у всех на виду. Он не знал, как поступила Алка. Пока он мялся возле горшка, она уже заснула. Ещё одним испытанием было то, что им постелили вместе на диване, а у них с рождения были отдельные кровати. Он лёг и решил терпеть. Но организм не послушался. Проснулись они

в луже и с позором выслушали нотации тёти Симы. Досталось Алке как младшей. Подумали на неё, обозвали зассыхой, а он не стал возражать. Просто промолчал, а потом носил с собой всю жизнь эту позорную тайну, боясь попросить прощения. Боялся признаться в бессилии. Для Алки он всегда был героическим образцом, защитой и опорой. Не мог же он сказать «Я тебя предал». Нет, это слишком. Пусть лучше думает, что она курица и зассыха, а он будет её защищать.

Алка с ролью курицы никак не хотела мириться, и всюду следовала за ним, отчаянно конкурируя совсем в не девичьих занятиях. Когда он пошёл в секцию айкидо, она увязалась за ним. На вопрос тренера, зачем ей это надо, не лучше ли в гимнастику такой тоненькой девочке, она ответила: «В гимнастику поздно, а понять философию единоборства – в самый раз». И она падала на середине тренировки от усталости, не выдерживала кувырков через голову и постоянных перемещений на коленях, но была блестящим спарринг-партнёром. Видимо, вправду что-то поняла, во что не особо вникали сильные и выносливые парни. Когда его вместе с другими студентами мединститута направили в учебно-авиационный центр для прохождения обязательной военной подготовки, Алла тоже захотела прыгать с парашютом. Как она умудрилась записаться в ту же группу, он не вникал, потому что давно понял: если эта курица захочет летать, она полетит. Первый же прыжок чуть не стоил ей жизни, но она не отказалась от затеи, и все последующие приземления бы-

ли на «отлично». Друзья предупреждали: «Не делай из Алки другана, она так замуж не выйдет», но она вышла, хоть и недолго длилось её семейное счастье. А он так и не женился.

Воспоминания Игоря не отрывали его от попыток высвободить руки. Внутри полотняного кокона ладони могли перемещаться по бёдрам. Он попытался подтянуть замотанные ноги к животу, и ему это удалось. «Значит, в гроб не заколочен – ещё один плюс». Стрельцов расслабился и начал следить за дыханием. Успокоился. Подумал. Если сделать выдох, втянув грудь и живот, рука может сжаться в кулак. А зачем мне кулак? Чтобы колупать ногтем большого пальца свои пелёнки. Получалось немного деформировать ткань.

«А что, если представить, что ноготь – это лезвие? Может быть, то, что написано в умных книгах про У-Син – это не метафоры, а инструкции?». И он превратился в металл. Рёбра ладоней – острые, проникающие лезвия. Ощущения были удивительными, но ткань не поддавалась. «Орехов не поел», – пошутила бы Алка. Стрельцов не оставил усилий. Он стал шевелить ступнями, попеременно натягивая их к себе и от себя; он вытягивался всем телом, стараясь удлиниться и так расшатать свою тюрьму; он ковырял ткань ногтями и пытался развести локти в стороны. И внутри полотна стало свободнее. В конце концов, он смог увидеть свет. Как говорится в сказках, долго ли, коротко ли, но голый Стрельцов обнаружил себя в долблёной лодке, привязанной к дереву. Его уши были заткнуты какой-то травой, а тело покрыто странными

узорами.

Растительность вокруг походила на африканскую. Игорь огляделся и, не обнаружив в непосредственной близости намёков на присутствие человека, с наслаждением пустил струю, приговаривая: «А ссать на вас с Эйфелевой башни! В этом что-то есть! Ссать на вас с баобаба!». Теперь он имел право использовать эту присказку. Было бы где. Он вообще не был уверен, что тут есть люди, тем более, говорящие по-русски. «Ну, голый человек на голой земле, вот тебе случай проверить твою философию на практике. Думай, Маугли».

Он решил не задаваться бесполезными вопросами типа «как такое произошло?», не вспоминать автобиографию, а сосредоточиться на текущем моменте. Ориентировочный рефлекс как-нибудь подтянет и другие психические процессы. Память такая штука, что чем больше пытаешься что-то вспомнить, тем надёжнее забываешь. А так в простых занятиях что-то да восстановится. Одна беда: он почти не знал местной флоры и фауны на предмет съедобности. Но понимал, что люди должны быть не более чем в паре километров отсюда. Он начал вглядываться и принюхиваться, озираясь по сторонам – не блеснёт ли какое орудие труда или оконное стекло, не потянет ли дымком. Должна быть река где-то, не зря его в лодке подвесили. Головой вон туда. Непонятно, имеет ли это какое-то значение в том культе, представители которого его сюда определили. Он подумал, имеет место ритуал, хотя никогда особо не интересовался культами, вся-

кой магией-религией. Вот Алка – другое дело. Хотя росли они в эпоху развитого атеизма, сестра была сделана из мистики – родилась такой, с собачьей чуйкой и вещими снами. Это сейчас коммерсанты поигрывают в магию, а президенты в религию. Это в тренде. Это даёт конкурентное преимущество. По крайней мере, так говорят продавцы тайного знания. Стрельцов же считал себя критически мыслящим реалистом с высоким антисуггестивным барьером. Когда завкафедрой физиологии, старик Финкенштейн, на первом занятии сказал «Бога нет!», он усомнился в этом так же, как усомнился бы в любом другом категорическом заявлении, носящем характер прямого внушения. Игорь взял за правило доверять только фактам, не вовлекаясь в пустые дискуссии о том, что есть и чего нет. Философия опыта ему была ближе, чем путь веры, поэтому восточные единоборства ему подходили. Система пяти переходов энергии, лежащая в основе большинства школ, казалась ему хорошим объяснительным принципом, далёким от религии, эзотерики и парапсихологии – не более чем метафора. Как и голый человек на голой земле. И вот он здесь. И вся его предшествующая жизнь никак сюда не вела. Доктор Айболит, висящий на дереве. В Африке акулы, в Африке гориллы... Кстати, да. Надо бы определиться, куда идти, пока они все на охоту не вышли. И поскольку определиться в предлагаемых обстоятельствах можно было только методом тыка, Стрельцов вдруг снова лёг в долблётку, расслабился и «поплыл». Пусть. Пусть голод-

ное тело найдёт еду, людей, – что-нибудь, способствующее выживанию. С закрытыми глазами он неожиданно ощутил плотность пространства вокруг себя. Он находился в центре, и к этому центру вели «ходы». Он осознал, что это были энергетические следы, оставленные людьми. По одной тропе его принесли, а в другом направлении мужчины ушли. Перед внутренним взором сама собой складывалась картина. Пятеро темнокожих мужчин в диковинных масках. Никогда таких не видел. Стрельцов проследил их путь до деревни, в которую мужчины входили уже без масок, неся плетёные корзины с рыбой. Один из них вдруг обернулся и посмотрел ему в глаза. Потом быстро что-то прошептал остальным, они поставили корзины, обняли друг друга за талии, образовав стену, и скрылись в тумане. Игорь больше ничего не видел, но запомнил путь. Он скинул вниз свой саван и принялся спускаться, подбадривая сам себя: «А как ты хотел? С баобаба слезть и жопу не ободрать?».

Он шёл в направлении, подсказанном видением, в сторону еды и тепла. Но никакой уверенности в правде увиденного у него не было. Просто лучше сделать и пожалеть, чем погрязнуть в сожалениях, ничего не делая, – врачебный принцип «не навреди» сам к себе он применял как-то так. Босиком он не ходил примерно столько же, сколько не писал под себя, и необходимость смотреть под ноги перераспределяла его внимание невыгодным образом. Незадачливый следопыт стал добычей, когда неловко стоя на полусогнутой ноге,

стряхивал какое-то насекомое с другой.

– Ядрёна копать! – только и успел сказать Стрельцов, взмывая в небо в сетке-ловушке, словно на аттракционе «Рогатка» в парке на набережной. – Что у вас за манера людей подвешивать?

– Рузки? Эй, ты рузки? – вдруг услышал он высокий и одновременно глубокий голос.

– Русский, русский. Может, опустишь сеточку, на земле беседовать удобнее.

– Жутник. Жутишь. Рузки юмор я лублу.

– Не могу сейчас ответить взаимностью, извини, брат. Отпускай, Лумумба хренова.

– Не рругайзя. Я случайно. Лумумба нет. Училзя в инзтитуте звязи. Каг ты зюда попал?

– Я бы и сам хотел знать.

Нового знакомого Игоря звали вполне по-европейски, Жозе Эдуардо. Отчего он поехал учиться не в Сорбонну, а в Самару, Стрельцов спрашивать не стал. Охотник не возражал, чтобы добыча называла его Эдиком, и вполне дружелюбно изложил всю историю с географией. То есть, какой нынче год и в каком государстве они находятся. При этом он не отрывал взгляда от рисунков на голых руках Игоря.

– Нравится боди-арт, Эдик? Понимаешь смысл этих калек-маляк?

– Они только на ругах или есть ещё?

Игорь распахнул саван. Жозе Эдуардо внимательно изу-

чил творение неизвестного художника XXI века. Его брови перемещались во всех направлениях, отражая состояния «Да ладно!», «Не может быть!», «Что за фигня?», «Да ты крут, мужик!».

– Ну что, узнал почерк автора?

– Возможно, это коллектив авторов, Игорр.

– И что значит эта роспись?

– Нуууу...я тут не взё понимаю. Ты прошёл порог и тебя провёл Катуюко. Скорее всего, тут защитные зимболы. От злых сил.

Глинобитные дома в деревне располагались по кругу, и, словно бусины в чётках, соединялись между собой заборами из жердей.

– У дедушки возле дома тоже такое прясло было, он к нему коней привязывал, – Стрельцов пустился в ностальгию, но Эдик жестом велел ему замолчать. Они расположились на некотором расстоянии от деревни, с подветренной стороны, чтобы не привлекать внимание собак. Ветер доносил запах костра и печёной рыбы, детский плач и отдельные возгласы, в которых нельзя было разобрать даже интонации. Но даже на таком, безопасном с точки зрения Игоря, расстоянии, его новый знакомый тревожно вслушивался и вглядывался, стараясь не проявлять признаков жизни. Порой казалось, он вообще перестал дышать. Вскоре Жозе Эдуардо жестом предложил Стрельцову подкрасться ближе к домикам, из-за которых можно было хоть что-то разглядеть. Жители деревни се-

ли ужинать вокруг костра, собаки мельтешили рядом с ними, и озираться в поисках шпионов всем им было недосуг. Мужчины, которых «видел» Стрельцов, находились тут же. Один из них взял еды от общего стола и положил в небольшую корзинку вместе с тыквенной бутылкой. Потом зашёл в одну из хижин и вышел оттуда в самом настоящем защитном комбинезоне, в каких входили в лабораторию у Игоря на работе. Мужчина отнёс куда-то еду, а по возвращении бросил в огонь и спецодежду, и корзинку с бутылкой.

– Взе, уходим, – потянул Жозе-Эдуардо Стрельцова за са- ван, – опасно.

Они отошли километра на два, когда Эдик перестал предостерегающе выпучивать глаза. Ещё через пару километров он выдохнул и заговорил первым:

– Котуко – шаман в этой деревне. Он хороший шаман, в деревне не умирают. В других много умирают, но не хотят селить больных отдельно и сжигать их трупы.

– Из-за похоронных обычаев? Я смотрел по телевизору. Ужасные пережитки.

– Да. Котуко не любят, говорят, он нарушает обычаи.

– Кажется, я начинаю догадываться, зачем меня сюда при- тащили. Но чем я могу помочь без лаборатории?

– Шаману не нужна ла-бо-ррятория.

– А что ему нужно?

– Ничего. Это он нужен. Нужен Духу. Нужен людям.

– Угу. У нас тоже так любят разглагольствовать, когда вра-

чам зарплату не хочется платить. Как он помогает людям, кроме того, что нарушает обычаи?

– Дух помогает через шаман.

Стрельцов понял, что от связиста толку не добьёшься.

– Ок, как попросить Дух, чтобы послал покушать? Очень уж я проголодался.

– Мы идём ко моей маме. Она нас покормит.

Тем временем Катуко сидел в своей хижине и смотрел в плошку с водой.

– Молодец русский, – думал он. – Я не ошибся, что привёз его к нам. Он слышит своё сердце.

Мама Эдика была худенькой невысокой женщиной неопределённого возраста. Её тельце цвета ириски было завёрнуто в пёстрый хэбэшный фантик. Она сдержанно кивнула гостю, а потом произнесла фразу, обращённую к сыну, которая на любом языке понятна без перевода:

– Вечно ты опаздываешь к обеду и тащишь с помойки всякую дрянь у всех дети как дети иди мой руки горе моё.

Эдик предложил новому знакомому лёгкие штаны, которые в России почему-то зовут гавайскими, майку и сланцы. Пока Игорь переодевался, у матери с сыном произошёл разговор.

– Зачем ты вмешался в жизнь отмеченного? Зачем привёл домой?

– Мама, разве я не должен ему содействовать? У него на груди и спине знаки Катуко, это значит, что ему должен по-

могать всякий ради блага нашего народа.

– Катучко настроил людей против себя. И эти знаки могут не помочь, а навредить.

– Что-то случилось? – спросил вошедший Игорь.

– Мама раз-казала новости. Ничего особенного. Давай кушать.

Несколько дней предписанной Арсению тишины прошли в простой домашней работе и прогулках по зимнему лесу. Он снимал всё подряд на телефон и был тревожно счастлив. Алла так и не сказала, какая помощь ей требуется от него, была тихая и словно всматривалась куда-то в будущее. А ему было хорошо и страшно, что в любую минуту его попросят уехать.

Однажды утром Алла обратилась к нему с неожиданным вопросом:

– Послушайте, Арсений, вы сильны в географии?

– «Яндекс» в помощь...

– Не хотят мне тут помогать ни Яндекс, ни Гугл. Одна-одинёшенька, никто не придёт и про Африку не расскажет, – шутливо заныла Алла. – Сеть слабая. Одна фотография грузится два часа. Нужна информация по той части Африки, где реки текут и деревья растут.

– А...ну...можем поехать ко мне, у меня скоростной...

– Вы в порядке? Такое чувство, что не совсем проснулись.

Арсений смущённо улыбнулся, почесал ногой ногу:

– Да, есть немного. С вашим другом, тем, что на фото, во сне разговаривал.

– Это мой брат Игорь. Просыпайтесь уже и пока не рассказывайте о вашей беседе. Расскажите лучше, что вам известно о нарушителях границы за последнее время? Афроэстонцы были?

– Гы-гы. Негры всегда были. Со статистикой не знаком, но периодически слухи доходят, что кого-нибудь задержали. Вот пару недель назад одного из речки достали, в одних шортах. С воспалением лёгких в районной больнице лежит. Всеходячие больные вместе с санитарками в его палату на экскурсии наведываются. Говорят, действительно, лиловый, как в песне.

– Да хоть зелёный. Нам с ним надо пообщаться.

– Он не понимает по-русски. Или притворяется.

– А это не имеет значения. Нужно кино поглядеть, которое у него в голове.

– Вы меня пугаете. Я как-то книжку читал, где один герой информацию из головы другого перегружал. Я думал, это фантастика.

– Конечно, фантастика. Его охраняют, наверное? Как к нему попасть?

– Видимо, приключений таки не миновать, – Арсений поводил глазами по потолку, – а у меня есть вариант. Да. Знакомая работает медсестрой в больнице. Поговорить?

– Вы ещё спрашиваете?

Через полчаса новоиспечённые друзья по приключениям уже разговаривали с Верой Капустиной, которая из чувства долга перед мамой Сенечки согласилась устроить им интервью с перебежчиком.

Арсений думал, шагая по тёмному больничному коридору, что самое время сейчас услышать грозное «Стойте, гражданин, предъявите документы», но ничего драматичного не произошло. Никакие внушительные фигуры охранников не высились на подступах к палате незаконного мигранта. Видимо, всё с ним давно прояснили-проверили, и никакой нужды оберегать его нет. Потом он подумал, что, может быть, это только в кино к задержанным охрану приставляют. А потом к ним тёмной ночью в грозу пробираются злые люди. Убрать свидетеля своих злодеяний. А на деле всё иначе происходит. Что там Алла хочет увидеть и как ей это пригодится, он тоже не понимал, и вся эта больничная атмосфера никак не пахла духом настоящих приключений. С недовольной миной Сеня приоткрыл дверь отдельной палаты. На кровати тихо посапывал человек, натянув тощее одеяло на голову. Арсений пропустил Аллу внутрь, а сам остался, как договаривались, у двери. Но не прошло и пары минут, как Алла вылетела обратно, будто её вынесло пустынным африканским смерчем.

– Бежим отсюда скорей, – не останавливаясь, сдавленным голосом, бросила она.

Арсений еле за ней успевал. Они стремительно покрыли расстояние от больницы до монастыря, не дожидаясь авто-

бусов. От попытки взять такси Алла отмахнулась:

– Быстрая ходьба сейчас – наше всё, Арсений, – ещё попыталась пошутить и прибавила скорости.

Из монастырских ворот налево, потом вниз по Кротовой дороге, к беседке с водой. Только умывшись святой водой, она шумно выдохнула и поплелась к лестнице, ведущей наверх, к собору Михаила-Архангела. Там бессильно плюхнулась на скамью, устроенную на лестничной площадке и бледными губами произнесла:

– Ну, я получила по башке... вот так вроде и веришь в существование Бога и всё такое... а прорвётся что-нибудь оттуда сюда – это ж сразу психбольница...

– Да что случилось-то?

– Манифестация случилась, что... книжки читаем, а существ из тонкого мира игнорируем. Фантастика интересна, а реальность подрывает психическое здоровье. В общем... я уж было собралась отождествиться с этим парнем, дыхание уже синхронизировала, и тут ощутила толчок. Не знаю, кто это был. Выглядел, как ангел с картинки. Сказал только: «Нельзя. Для твоего блага». И подпихнул к выходу. Здесь, в монастыре, подозреваю, это не новость. Но говорить об этом с кем-то из священников страшнее, чем пережить всё ещё раз. Да и не знаю, с кем. Всё у них – грех. Догме следуй, а духовной реальности не касайся. Ладно, раз там (она указала пальцем в небо) такую бдительность проявляют, то не оставят. Как-нибудь справлюсь. Теперь надо понять, как нам

действовать.

– Алла, а вам не кажется, что сначала лучше просто понять? Ну, ситуацию всю. Что произошло, почему Игоря похоронили, где он сейчас, почему он там оказался? Ну и так далее.

Алла внимательно посмотрела на Арсения.

– Возможно, Вы правы. Просто для меня это всё – слишком сильное потрясение, и я боюсь... Боюсь, что если ничего не стану делать немедленно, то оцепенею. Поэтому как-то так: сперва дел наворотить, потом разбираться, если само не рассосётся, – она криво, вымученно усмехнулась. – Поможете разобраться, что за сценарий мне подсовывают?

– Чем могу, конечно. А кто Вам его может подсовывать? Кого Вы имеете в виду?

– Не знаю. Тело, которое похоронили, привезли в цинковом гробу. Брат – врач, иммунолог. В последний раз звонил мне из дома дня три назад. Про командировку ничего не говорил. А хоронили его от работы. Что могло произойти, и как он оказался в Африке, для меня загадка. И кому нужно, чтобы его считали погибшим, я не понимаю. Ну, был бы Игорь специалистом по отравляющим веществам или вирусологом, я бы поняла, почему к нему возник такой интерес. Но иммунолог, который не получал государственных премий за выдающиеся открытия, вдруг оказывается героем детективной истории – это странно, не правда ли?

– Да уж.

– Уфф... ладно, пойдёмте к нашим друзьям, Гуглу с Яндексом. Посмотрим, что в мире творится.

Но зазвонил телефон, и планы пришлось поменять.

– Здравствуйте, Алла Дмитриевна! Это Катя. Мне надо срочно с Вами поговорить, не по телефону.

– Сейчас, я посмотрю, вместо чего могу с Вами встретиться, – и, назначив время, усталилась на Арсения:

– Вместо чего? Вот какой вопрос мы не протрясли: вместо чего Игорь в Африке? Что бы он делал, если бы не кабы? Надо разобраться. Может, и не придётся анализировать африканский контент.

Она говорила тихо и невнятно, словно все силы потратила на расчленение своей истории, которую пережить целиком не представлялось возможным, но в которой очень хотелось поставить финальную точку. И не получалось. Не получалось. А точка под действием её желания размножилась и стала вездесущей:

– От Януса. Приезжали. К школе. За мной. Я поехала. Нет. Не могла. Отказаться. Убьют. Они поняли. Всё. Что ими интересуются. Думают на меня. Что я. Сливаю. – В конце каждого слова она делала усилие, словно отделяя его от следующего кирпичом. На согласные в конце слов она шлёпала цементным раствором. «Г» и «к» пристукивала мастерком. Огораживала свой мир от ужаса, замуровывая себя заживо. И если всё это правда (во что Алла была склонна верить), то

девчонку надо спасать. А если вымысел – тем более.

Катя назначила встречу в дальнем углу шумной столовки, где можно было не опасаться посторонних ушей. История, с которой началось их знакомство в начале декабря, впечатляла. Девчонка уехала без спросу к другу в соседний городок, прихватив из сумочки бабушки пару тысяч на билет и перекус. Бабушка заявила в полицию, а дедушка избил беглянку до синяков, когда та вернулась домой. Не долго думая, Катерина набрала в поисковике «как отомстить», и интернет предоставил ей массу вариантов. Среди прочих оказался и Янус, предложивший услуги чёрной магии. Порядок оплаты услуги выглядел в изложении девушки нелепо и карикатурно, как история из «Молота ведьм». Было там и посещение массовых ритуальных сборищ с питьём крови жертвенных животных, и подписание договора о продаже души, и готовящееся человеческое жертвоприношение. Катя боялась даже произносить вслух имя организатора секты, в которую оказалась вовлечённой, потому что «он чувствует, когда о нём говорят».

– Но ведь ты хотела поговорить со мной? То есть, ожидаешь, что тебя смогут защитить и помочь?

– Ну... как бы да...

– А если не как бы, а конкретно? От чего защитить и в чём помочь?

– Я боюсь. Вокруг меня люди умирают. Четыре знакомых парня. И вроде не насильственная смерть, так-то. Но, думаю,

это связано с Ним. Как мне сдать Его, чтоб меня не вычислили?

– Опиши его.

– Не могу, я его не видела. Только по телефону говорила, номер даже не определяется.

– А, как ты чувствуешь свою связь с Янусом? Банальное прозвище для двуличного человека.

Катя поёжилась и попросила не называть его имя.

– Я чувствую, будто мы связаны проводами или паутиной. Я колыхнусь – он чувствует. Пытаюсь убрать – он сразу идет или звонит.

– Отлично. Можно переключить провода на другой объект. Рисовать умеешь? Нарисуй вашу связь. Что передается по этим проводам?

– От меня к нему...страх, что ли? Коричневое, вязкое. Как по шлангу.

– Какое животное полно такого страха?

– Корова на бойне, наверное. Или баран.

– Кто тебе ярче видится?

– Баран как живой.

– Перемести конец шланга со своего тела на этого барана.

Катя вздохнула.

– Алла Дмитриевна, а что мне будет за это на том свете?

– Почему ты у меня об этом спрашиваешь? Я не спец по загробным путешествиям. Спроси у Януса.

Катя насупилась и поджала губы.

– То есть, ты думаешь, что совершила наказуемый поступок?

– Ну да.

– Отчего же в храм не пойдёшь и не покаешься? Психологам там даже свечи не всегда продают, а ты у меня спрашиваешь про дела посмертные.

– Я там всё время чувствую себя плохой. И когда хорошо поступаю, и когда не очень – без разницы. Всё время типа недотягиваю. Не, есть там у них нормальные деды, конечно. Но в целом получается, что человек от рождения плох и грешен. А священник что, не человек? Он значит, тоже от рождения грешен? И как тогда он может мне помочь, если сам плохой, и я плохая, а? Или он какой-то другой человек, на которого не распространяется эта вся фигня про первородный грех? Он типа святой, а я плохая? Тоже как-то...неравноправие.

– А со мной, значит, равноправие? – улыбнулась Алла. Катя смутилась:

– Не, ну...я не чувствую себя плохой. Хотя я виновата и поступила нехорошо.

– А с «нормальными дедами» не чувствуешь себя плохой?

– Нет. Они не судят меня. Вот как у них в одной конторе такие разные люди? Догма-то одна. Хотя у вас, наверное, тоже всякие люди есть.

– Мы отвлеклись. Ты чувствуешь себя виноватой за то, что связалась с Янусом?

– Да. Его надо остановить.

– Я должна тебя предупредить, что сообщу в полицию о секте и возможных жертвах. И научу тебя, как стать невидимой. У нас есть время, пока твой баран жив.

Молоденький сотрудник полиции, который хотя и задал все здравые вопросы и выведал у Кати все телефоны и адреса сайтов, был настроен скептически:

– Как вы думаете, она врёт?

– В любом случае, надо проверять, – ответила Алла, – у людей её психотипа, которые выдумывают, другие движения глаз, другая лингвистика. Лучше бы сочиняла.

И началась работа. Алла общалась с семьёй Кати. Подключился следственный комитет и спецы по сектам. А поскольку Катя была не прочь щегольнуть «ясновидением» и охотно предсказывала своим мрачным, еле слышным голосом разного рода катастрофы среди одноклассников, довольно скоро о ней стали говорить, как о девочке с приветом, о которой плачут все психиатры Северо-запада. Может, оно и к лучшему. Говорят, пока к злу относятся несерьёзно, оно не нападает.

Но сегодняшний разговор с Катериной встревожил Аллу не на шутку. Если этот подростковый гуру действительно так чувствителен, его и не «просканировать», не испугнув.

Кофе имел гадкий вкус таблеток от моли, привычная еда не лезла в воспалённое горло, телевизор раздражал натуж-

ным рекламным оптимизмом. Наверное, только во время болезни мы понимаем, какая пища по-настоящему нужна (информационная в том числе). Может быть, мы и заболеваем потому, что впускаем в себя вредоносное или недостаточно потребляем полезного. Она взяла дневник и карандаш и стала «прорисовывать» болезнь, как научила Алла. Из хаотичных чётрочек постепенно проступила мужская фигура, переречёркнутая дорожным знаком, в народе зовущимся «кирпич». Потом выписались слова «жрёшь в три горла», и сразу сам собой из груди вытек первый, слабый вздох облегчения. Это удивило Катю, она не замечала раньше такой явной связи между физическим состоянием и невидимым миром смыслов, который окружает человека постоянно. Вроде бы неудивительно, что ты знаешь, кто к тебе как относится, но как именно ты это понимаешь – по взглядам, жестам, фразам, действиям – проходит мимо сознания. «Я скучаю по тебе», – написала Катя, – и стала рисовать маленькие домики, деревья, дорогу, автобус, искажённое злобой лицо деда и дверь, закрытую на замок. Её никто не запирали, конечно. Физически не запирали. Но ей запретили выходить из квартиры и отобрали телефон. Жёсткие тяжёлые линии ложились на бумагу густой штриховкой, и потихоньку смягчались колючки в горле.

Приоткрыла и тут же захлопнула дверь бабушка, потому что Катя встретила её хрипло-сердитым «ба, я занята».

– Кать, сырничков? – поскреблась под дверью бабушка.

– Нет!

Жрать ни в три горла, ни в одно она больше не будет. Бумага не выдержала осуществлённой мысли и порвалась.

– Блин! – вскрикнула Катя и засмеялась. Вот только обещаешь себе от чего-то отказаться, как тут же оно лезет... ещё бы сказала «сырник!». Надо спросить у Аллы, как запретить себе жрать. Она, небось, питается правильно, вон какая стройная. Не то, что некоторые.

Катино мучительное выздоровление, сопровождаемое нежеланием «съесть хоть что-то» из бабушкиных рук, тянулось больше недели. Она исписала штук пять тетрадей и извела откладываемые для пейзажей драгоценные листы акварельной бумаги. Когда, наконец, она встала с тахты, чтобы пойти к Алле на плановый приём, из зеркала на неё смотрели незнакомые глаза.

А Алла вроде и не удивилась переменам, произошедшим с Катей. Это было обидно, и она впервые решилась спросить постороннего взрослого человека, что он думает о её внешности. Хотя Алла уже не была посторонней, но, всё же, была человеком со стороны.

– Я совсем страшная?

– До горгульи не дотягиваешь.

Катя с усилием пошевелила мышцами, образовавшими кривую усмешку.

– Я серьёзно.

– Ты не страшная, ты тяжёлая в общении. Угрюмая и на-

стороженная. На то есть свои причины. А внешность у тебя очень приятная. Прекрасные волосы, хорошая кожа, ровные здоровые зубы, гармоничные пропорции лица. За всем этим нужно ухаживать и правильно подавать.

– Я что, мясо по-французски, чтоб меня подавать?

– Не себя. И не на съедение, ты тут абсолютно права. Людям нужно подавать роль, образ.

– А, что, такой, какая я есть, быть плохо? Почему меня не могут любить такой? Что во мне плохо?

– Стой, стой, стой. Вот ты всё в кучу смешала – и внешность, и своё «я» и любовь, и желание, чтоб тебя перестали критиковать. Давай-ка вот что сделаем. Напиши на отдельных листочках бумаги все обидные слова, которые ты о себе слышала. Вот на этом, например, неряха.

– Тормоз, – добавила Катя и стала выписывать на бумажки нелестные слова. – А если я сама так думаю?

– Пиши. Страшная. Как ты там ещё себя ругаешь? Написала? Теперь давай посмотрим. Вот тут у нас в кучке есть «неуспевающая». Медленно отодвигай её от себя и замечай, что чувствуешь. Если ты её вовсе уберёшь, ты перестанешь быть собой?

– Да нет.

– Да или нет?

– Не перестану. Со мной ничего такого не происходит, когда я – не неуспевающая. То есть не ученица, которой трудно всё даётся. Я и ученица – вообще не одно и то же.

– Попробуй теперь отодвинуть «всем недовольна». Не спеши, внимательно следи за чувствами. Без того, кто всем недоволен, ты перестанешь быть собой?

– Нет.

– Ну, так какая ты есть без этого, этого и этого?

– Не знаю... Я думаю... я чувствую... я просто есть, – Катя замедлилась против обычного своего торможения и практически зависла.

– Кто-нибудь может тебя обидеть?

Она долго молчала, прислушиваясь к себе, и, в конце концов, произнесла:

– А как?

От Аллы она шла, расправив плечи, смачно разбрызгивая снежную жижу, словно это была не провинциальная грязь, а живительный сок земли, которого хотелось зачерпнуть полные ботинки. Позабыв занавесить половину лица косой чёлкой и заткнуть уши наушниками, она двигалась сквозь влажную атмосферу улицы Псковской, похожая на несокрушимый ледокол. И не видела, как по противоположной стороне крался за ней тот, чьё имя она боялась произносить.

– А! Твою мать! – завопил кто-то за спиной. Катя обернулась и увидела парня, бьющего зонтом местного любителя щегольнуть в распахнутом плаще. Это было до того нелепо, что она расхохоталась и побежала. Она несла себя радостно и свободно, задыхаясь от смеха и не думая, против обычного, как трясётся толстая задница и подпрыгивает недетского

размера грудь.

Глава 3. Вы полюбите меня, как миленькие

Разговоры о религии в сети его раздражали. Все они сводились к одному: инфантильные кретины спрашивали инструкции у какого-нибудь припадочного сектоведа, как следует думать о том или ином культурном явлении. Скажите, как надо относиться к трансперсональной психологии? А не секта ли это? Мой друг попал под влияние психотерапевта и говорит, что изменил отношение к жизни и счастлив. Но какие будут последствия для его души в посмертии? Тьфу.

Немногочисленные российские сектоведы, насколько он успел понять, в большинстве своем происходили из оккультистов-неудачников, у которых сорвало крышу при столкновении с иной реальностью. Ну, не ждали они, что тонкий мир в самом деле существует. Ну, испугались. И пополнили ряды охотников на ведьм. Теперь они клеймят всё, ставя в один ряд баптистов и буддистов, Пауло Коэльо и Кастанеду, психотерапию и йогу, и объясняют братьям, как правильно спорить с любителем астрологии. Будет с вами астролог дискутировать, ага. Какая-нибудь честная дурочка вроде этой Аллы Перец потратит своё время на то, чтобы задать вопрос, разоблачающий вопиющую нелепицу, – это да. Ей ответят: «Данная группа создана не для дискуссий. Здесь дают рекомендации православным». Он написал ей и задал вопрос, зачем она вовлекается в эти споры. Она ответила: «Потому что

вижу проблему. А если я её вижу – она моя». Он был во многом согласен с этой странной женщиной. Например, она считала, что религиозных фанатиков не интересует истина, потому что их ужас перед жизнью слишком силён. Им нужны догматы, чтобы не думать и не выбирать. Точно. Эти люди неспособны сделать самостоятельный разумный выбор. Если есть много путей к Богу, то почему они должны следовать именно этой традиции? А если их религия единственно верная, то выбор делать не надо. Это самое могучее обоснование правильности картины мира. Православие – самое верное из всех учений, и всё тут. Ну, подумаешь, существуют более древние традиции. Зато православный будет в Раю, а остальные – в Аду. Железно. Ноль сомнений. А просто так выбрать православие, сердцем и разумом – не судьба? Не судьба, гарантии нужны. Если оно самое-самое, я его выберу. А если все равны, так как это? Как выбирать, чем выбирать? Алла ещё говорит, что тут дело в стадном инстинкте и люди не виноваты. Просто в них встроены врождённый механизм сохранения системы. Моё стадо я обязан считать самым лучшим и быть ему верным, даже если оно считает, что кушать соседа на завтрак – правильно.

Алла была очень похожа на него самого своей способностью взламывать абсурдные клише. Но как-то, читая очередной её диалог с фанатиком, он понял: она любит людей. Несмотря ни на что, любит. А он вот таких, слепо следующих догме, презирает. Самостоятельность и развитость разума он

ценил в людях превыше всего. Алла была умна и прозрачна умом – её умозаключения рождались без видимых потуг линейного мышления. Возможно, она и не пользовалась формальной логикой. Ему также было очевидно, что она не пользовалась и преимуществами своего способа думать для продвижения в жизни. Ни научной степени, ни приличной должности, ни семьи, ни денег. Между тем в ней было столько достоинства, что он не мог её не уважать. К тому же, она была красива и терпелива. Последнего качества так не хватало его матери, родившейся в один год с Аллой. В коридоре раздались громкие суетливые шаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.